

ЛБ8 107

Sammlung von vorträgen,
gehalten in dem wissenschaftlichen Studentenverein bei der Orientalischen
Fakultät der Mittelasiatischen Staatsuniversität.

Heft I.

06.91
C22

СБОРНИК НАУЧНОГО КРУЖКА

— П Р И —

Восточном Факультете
Ср.-Аз. Гос. Университета

X

=====

3012/2

Проверено 1937 г.

Вып. I.

И

Ташкент.

1928 г.

Некоторые вопросы брака и свадебные обряды таджиков к. Шахристана.

О. А. Сухарева.

Материал, предлагаемый вниманию читателей в настоящей статье, был собран мною летом 1926 года, во время двухмесячного пребывания моего в кишлаке Шахристане входящем в Ура-Тюбинский вилайят Таджикской республики.

Лето не является благоприятным временем года для наблюдений над свадебными обрядами, так как все свадьбы справляются, обычно, осенью и зимой, когда народ свободен от полевых работ, а выручка от урожая дает нужные для свадебных торжеств средства.

Поэтому весь материал пришлось собрать исключительно путем опроса жителей кишлака. Долговременное пребывание на месте дало возможность углубить и проверить записи а также собрать кое-какой, хотя и не слишком богатый, материал текстуальный.

Недостаток времени, не позволяющий заняться более тщательной проработкой материала, заставляет меня дать его в виде сжатого очерка, не касаясь многих вопросов, которые могли бы при этом возникнуть.

При транскрибировании текстов мною употреблен алфавит латинский, в котором следует оговорить несколько знаков.

x	خ
sh	ش
c	ع
j	ج
y (йот)	ی
г	غ

eu—узкое долгое «о», появляющееся в шахристанском говоре, как и во многих других таджикских говорах, вместо долгого «(у)». Знак «е» обозначает долгий звук, при чем качественно он более узок чем европейское «е», и в некоторых случаях склонен сужаться еще больше, приближаясь к «і».

Так как ударение, обычно, падает на последний слог слова и лишь значительно реже занимает какое-либо иное положение, я отмечаю ударение (') лишь в тех словах, где оно падает не на последний слог. Во всех остальных случаях слова следует читать с ударением на последнем слоге.

Вопрос о степенях родства и свойства людей, могущих вступить в брачные отношения, в быту шахристанцев разрешается, как это наблюдается и в других местностях средней Азии, не совсем согласно с Шариатом: безусловно запрещен брак между родными и молочными братьями и сестрами, в то время как братьям и сестрам сводным, отцы и матери которых различны, вступать в брак разрешается, и это практикуется достаточно часто. Шариат же подобные браки воспрещает*).

Очень распространена женитьба на жене умершего брата, браки между двоюродными братьями и сестрами, или женитьба последовательно на двух сестрах. Собственно говоря, признается законным жениться на двух сестрах и одновременно, но в быту это порицается, и таких случаев, судя по словам самих шахристанцев, у них не бывало. Считается невозможным поставить двух сестер во враждебные отношения, в которые неизбежно встают две жены одного мужа.

Законным признается брак родственников только одного поколения: могут жениться двоюродные, троюродные и т. д. братья и сестры как со стороны отца, так и со стороны матери, но никогда нельзя дяде вступать в брак с племянницей, или племяннику с теткой. Точно также не разрешается сыну жениться на женщине, бывшей когда-нибудь в брачных отношениях с его отцом,—и мачехе выходить замуж за пасынка. Вышеописанными нормами и ограничиваются степени родства, брак между которыми категорически воспрещен; все остальные браки между родственниками признаются законными и, надо сказать, предпочтительными бракам между людьми совершенно посторонними. Таким образом, в Шахристане получилось несколько групп, очень крупных, связанных друг с другом различными степенями свойства и родства и делающих эту связь все более крепкой и тесной новыми браками в своем, более или менее замкнутом, кругу. Таким образом, оказывается в родстве почти весь Верхний Шахристан shahristani—bolo, все узбекские рода, поселившиеся в Шахристане с давних времен и в свое время подчинившие себе аборигенов кишлака—таджиков.

Точно также, Нижний Шахристан—shahristani—poyon“ делится на 3—4 родственных группы—а сверх того нити

*) Л. В. С. Фан ден Берг. «Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии». Перевод со второго просмотренного издания проф. В. Гиргаса. С.-Петербург. Стр. 104 (прим. 4)

свойства, а то и родства протянуты между Нижним Шахристаном и Верхним, между таджиками и узбеками. Последнее произошло, судя по рассказам, не больше, как 2—3 поколения тому назад. Раньше, когда узбеки занимали привилегированное положение властителей-беков, они ни в коем случае не отдавали своих дочерей в жены таджикам, да и не очень охотно брали себе жен из среды последних. Сближение произошло сначала между узбеками и таджикскими семьями ишанов, а затем значение таджиков снова усилилось „tojiko zeir giriftan“, и всякое сословное различие исчезло. Оно сохранилось до настоящего времени в титуле «бек», прибавляемом к именам мужчин узбеков, потомков бекских родов, и в титуле «oyim» — для женщин, — да, пожалуй, в том, что если среди женщин таджичек окажется хоть одна узбечка, все сразу переходят на узбекский язык, хотя она владеет таджикским не хуже своего родного*).

Сложные родственные отношения повели к сохранению в неприкосновенности строго подразделенных степеней свойства и родства, которыми, обычно, и заменяются во взаимоотношениях собственные имена как мужчин так и женщин. Не беря на себя задачи дать сколько-нибудь исчерпывающего объяснения происхождения каждого наименования, я ограничусь лишь общим замечанием, что часть их, несомненно, узбекского происхождения, и это касается более степеней свойства, чем родства.

1. Степени родства.

Дед (как со стороны отца, так и матери, — bo:wo.

Баба (тоже с обеих сторон) — oca

Мать ара

Отец do:do

Старшая сестра — араса**)

Младшая « — xo:har

Старший брат — ako:

Младший « — iko:, do:dar

Дядя по отцу — amak

*) Все сведения, касающиеся истории Шахристана, сообщаются мной исключительно со слов жителей к. Шахристана. Проверить их по каким либо источникам мне не удалось. Однако, мне кажется, эти сведения не следует считать только легендарными, так как касаются они времен не столь отдаленных, не забытых еще народом, и до сих пор имеются налицо ясные следы прошлых отношений.

**) Очень взрослых старших сестер, обычно же лишь самую старшую, зовут, как и мать „ара“.

Его дети—атак-баса
 Тетка по отцу—amma
 Ее дети—amma-basa
 Дядя по матери—to:Го:
 Его дети—to:Го:-баса
 Тетка по матери—xo:la
 Ее дети—xo:la-basa*)

2. Степени свойства.

Для жены:

Свекор—qayno:to
 Свекровь—xushdo:man
 Деверь—qayni
 Золовқа—qayni sini, qayni-singila

Для мужа:

Тесть—padar-areu:s
 Теща—mo:dar-areu:s
 Свояченица—xo:har-areu:s
 Деверь—do:dar areu:s

Для семей супругов:

Невестка—ke:lin
 Зять (для родителей жены) do:mot
 Муж сестер и теток (с обеих сторон) po:co; uazna.
 Свекор сестры—po:co.
 Жены братьев (друг другу)—owsun
 Жена брата—yanga
 Жена дяди bi-kelin
 две жены одного мужа—kundosh

Самая младшая жена (и вообще, женщина вышедшая замуж второй женой)—teu:qo:l

Дети старшей жены зовут младшую «араса» (так же, как и свою старшую сестру)

Дети младшей—старшую называют «ari-kalo:n».

Нормальным для первого брака считают 18—22 года для мужчин и 14—15 лет—для женщин. Однако, в Шахристане нередко можно встретить девушку лет 20-ти и выше, что объясняется широко развитым там обычаем сватовства с колыбели—„qavo:ra yaxsh“, практикуемым почти исключительно среди родственников.

*) При обращении к посторонним мужчинам и женщинам обычно употребляют названия родственников, чаще—по материнской линии. Так, старших мужчин называют—to:Го, старших женщин—xo:la.

При наличии этого обычая, когда юноше уже наверняка гарантирована невеста, его родные могут не спеша готовиться к свадебным расходам и не бояться, что девушка окажется занятой: надо сказать, что данное раз слово держится крепко. Считается желательным, чтобы жених и невеста были приблизительно одного возраста, хотя не редки случаи женитьбы человека пожилого на девушке 14-15 лет.

Точно также жених и невеста должны соответствовать другу и по общественному положению. Обычай зарабатывать жену у тестя сколько-нибудь широко, повидимому, не распространен. Однако, мне пришлось наблюдать такой случай, когда зажиточный и уважаемый кишлачный кузнец отдал свою дочь за бедного сироту, который воспитывался им, и с детства и до зрелого возраста работал со своим покровителем в кузнице, за свой труд платы не получая. Девушка, таким образом, была отдана как бы в уплату отцовского долга, причем предварительного договора, повидимому, заключено не было.

Благодаря широкому распространению обычая сватать с колыбели, очень многие девушки ко времени достижения ими брачного возраста оказываются занятыми, а вокруг свободных еще начинают увиваться свахи, пока та или иная не получит от родителей девушки согласия на брак с их протеже.

После того как согласие из'явлено, сваха получает от родителей жениха, а если он взрослый, то от него самого, рубашку, платок, или деньги, а женихова родня начинает спешно готовиться к угощению по поводу официального сговора, так называемого „*téuyi-fotiha*“— «угощение по поводу молитвы»^{*)}. Угощение это, немногим меньшее, чем свадебное, устраивается в доме невесты, но средства и продукты для него доставляются женихом. На „*teuyi-fotina*“ приглашается весь кишлак, и особо уважаемым лицам—а также всей близкой родне жениха—раздаются подарки: тубетейки, платки и т. п.

По окончании угощения читается молитва, в которой высказываются всевозможные благие пожелания молодой чете.

Со времени сговора молодые люди считаются как бы мужем и женой—во всяком случае их называют „*zaf*—и-

^{*)} Слово „*fotiha*“ арабского происхождения, является, как известно, названием первой суры корана и значит „открывающая“. В Шахристане же, как и во многих других местностях Ср. Азии, это слово обозначает собой молитву, читаемую во имя кого-нибудь, содержащую, обычно, всякие пожелания.

sheu“ *). После этого жених и невеста начинают скрываться от своей новой родни — „megurezan“ — «избегают», но им разрешают видеться друг с другом в доме невесты. Этот обычай носит название „qayliq — vo:zi“, „nispat vo:zi“ **)

Ко времени „tél:yi - fotiha“, обычно, улаиваются и о калыме „qalin“.

В Шахристане калым, обычно, выражается не в деньгах, а в скоте что объясняется полускотоводческим характером хозяйства кишлака. Обычно, в качестве калыма дают хорошую кобылу, лошадь или корову. Это—единственное, что получает отец за свою дочь. Все деньги, которые даются ему женихом, он тратит целиком на свадебное угощение и свадебные подарки. Кроме того, достаточно часто практикуется обратное дарение зятю данного им в качестве калыма животного во время торжественного приглашения молодых вскоре после свадьбы.

В случае же невозвращения назад калыма, дарится молодым первый приплод от него.

Доставляется ли во время сговора приданое, и в чем оно заключается, я сведений не имею.

Незадолго до свадьбы в доме невесты устраивается торжественное кроение одежд для невесты, и тут же приступают к их шитью. Этот обряд носит название „pagsa-vurron“. По всей вероятности, тогда же приступают к стежке одеял. К этому же времени заканчивают многочисленные вышивки, которые следует приготовить ко дню свадьбы. Минимальное количество приданого невесты исчисляется следующим образом:

„seuzani“ — большая вышивка во всю стену — 3 шт.

vor-reu:sh (или taxmon — reu:sh) — вышивка для закрыванья ниши, в которую складываются на день одеяла — 2 шт.

qars ***) — длинные, узкие вышивки для украшения стен.

jo:u-pamoz — коврики для молитвы, обычно развешиваемые в маленьких нишах — 2 шт.

tél:yi-jo — вышитые по краям простыни — 2 шт.

kurta — рубашки — 15 шт.

e:zor — шаровары — 15 шт.

*) Особого названия для отношений, в которое встают жених и невеста, не имеется, и терминов, соответствующих русским — „жених“ и „невеста“ — нет.

**) Сведений о предварительном, деловом сговоре, который в других местностях известен под названием „fotihai non-shkanon“, „молитвы преломления хлеба“, по Шахристану у меня не имеется.

***) По словам старух, в их время остальные вышивки не употреблялись, их заменяли „qars“.

еґе:рса — головные платки — 10 шт.

саро:п и ґаmзеu:г — халаты и камзолы — 10 шт.

кеu:гра — одеяла большие — 3 шт.

кеu:граса — длинные тюфячки 2 шт.

леu:la — круглые подушки в виде валиков 2 шт.

bolisht — четырехугольные плоские подушки 2 шт.

Украшения для невесты: qoshi-tillo — металлический кокошник, „uzuk“ — кольца, „majron“ — кораллы — и т. д. *)

Наконец, назначается день свадьбы. По обычаю в этот день невеста находится со своими подругами где-нибудь у соседей.

Самая большая комната в доме ее отца сплошь зашивается вышивками, на полу растилаются кошмы и ковры, вдоль стен раскладываются одеяла, тюфяки и подушки. В переднем углу протянута свадебная занавеска — „cimilik“. Тут собираются мужчины постарше, во главе с „do:mullo“ — обычно, имамом ближайшей мечети, который приглашен для совершения брачной церемонии. Рядом, в другой комнате, убранной не так пышно, как первая, угощаются женщины.

Когда время близится к послеобеденной молитве „namozgar“, является и жених в шумной и пестрой толпе молодежи. Не заходя в комнаты, они встают толпой вокруг жениха и прикрывают его — он не должен еще показываться родне невесты.

„Do:mullo“ сидит около двери, готовясь совершить обряд брака, вернее брачный договор — „nikoh“. Перед ним чашка с водой. Двух мужчин, одного из родни невесты, другого — постороннего, назначают свидетелями невесты — „sho:hid“.

Двое других, обычно, наиболее почтенные лица из родни жениха и невесты, назначаются их доверенными отцами „padar-vakil“, причем каждый является родственником своего доверителя.

Свидетели идут к невесте, чтобы спросить ее согласия на предстоящий брак.

Форма вопроса установлена: „ajjonivat falonciya padar — vakil karde — mi?“ — „делаешь ли ты такого-то доверенным отцом со своей стороны?“. — Невеста долго не дает согласия. Слишком поспешный ответ был бы сочтен выходящим из рамок приличия.

Окружающие невесту девушки и молодые женщины требуют за ее согласие выкуп. Торгуются довольно долго — час — два и, получив, таким образом, 10 — 15 рублей, они заставляют невесту дать свое согласие. Невеста отвечает чуть слышно, но этого достаточно, и свидетели спешат к имаму с радостной вестью, свидетельствуя во имя бога,

*) Точного списка украшений для невесты не имеется.

что такая - то, дочь такого - то уполномочивает такого - то быть ее „доверенным отцом“ во всем, касающемся ее брака. После этого имам спрашивает согласия жениха на назначение такого - то „доверенным отцом“ с его стороны. Жених дает свое согласие сразу, и „доверенные отцы“ тут же приступают к выяснению условий, на которых заключается предстоящий брак; прежде всего они уславливаются относительно вена—„mahr“ (мехр).

В Шахристане „мехр“, обычно, выражается в золотых — „tillo“ и равняется девятистам золотым. По словам Мулло Тардыбая, имама одной из мечетей Верхнего Шахристана, сообщившего мне большую часть сведений о совершении „nikoh“, один золотой считается у них равным 4 рублям *).

Цифра, называемая при оговаривании мехра очевидно является условной, принятой в брачном церемониале; зачастую, она не соответствует действительной стоимости мехра.

Мехр делится на две части: первая— „máhri-naht“ т.-е. «мехр, доставляемый немедленно». Эта часть мехра в быту выражается в том приданом, которое справляется к свадьбе на средства жениха и условно равняется 45 золотым. В действительности же стоимость его гораздо выше и судя по списку приданого, приведенному мной, равняется 350—400 рублям.

Вторая часть мехра носит название „máhri nasiya“, т.-е. «мехр отложенный». Он должен равняться вторым 45-ти золотым мехра, обеспечивать невесту в случае развода и оставаться у нее после смерти мужа.

В Шахристане, обычно, в качестве «máhri naht» женихом или его „padar-wakil'em) предлагается та или иная, принадлежащая жениху, недвижимая собственность: сад, земля, дом и т. д. Имам спрашивает двоих из присутствующих, являющихся соседями жениха, подтверждают ли они оценку названного женихом участка в 45 золотых. Обычно, ответ дается утвердительный. Надо сказать, что в настоящее время «máhri naht» превратился в чистую фикцию. Он не переходит к жене после смерти мужа, помимо положенного ей по шариату наследства. Он не выдается ей и в случае развода, хотя бы и по инициативе мужа. Роль мехра играет только первая часть его, заключающаяся в ее приданном— „an'ó-mi-xo-na“. Последнее считается ее личной собственностью и в случае смерти ее переходит к ее детям, а, за неимением таковых к ее матери. При разводе же, согласно Шариату, эта часть мехра переходит к жене лишь в том случае, когда инициатором развода является муж.

*) Раньше трсм; разумеется старая бухарская тиллс.

Условившись окончательно о мехре, приступают к совершению самого обряда брака—„nikoh“. Он очень несложен; имам читает ряд молитв, выдержек из корана и т. п., известных под именем „hutbái-nikoh“. В этой „hutba“ снова оговариваются все условия мехра, и согласие, выраженное женихом, заканчивает собой всю церемонию. Чашка с водой, стоявшая перед имамом во время совершения брака, передается жениху, который отпивает из нее несколько глотков; затем эту воду—„ó:bi-nikoh“ несут к невесте; она должна тоже выпить немножко.

По окончании „nikoh“ имам, вместе с прочими гостями, находившимися в комнате, выходит оттуда, и комната предоставляется молодежи. Жених проходит в передний угол, под свадебную занавеску, и переодевается там в новый костюм, присланный ему родителями невесты. Подается угощение, после которого товарищи жениха осыпают его деньгами. Деньги эти затем передают отцу невесты и, по обычаю, он тратит их на подарки молодым в «день приглашения» их вскоре после свадьбы. Покончив с угощением, молодежь вместе с женихом уходит в его дом, куда вскоре будет доставлена и невеста.

С шумом, криком, песнями валит по улицам пестрая, разудалая толпа. Первый кишлачный молодец, танцор и песенник, идет впереди, приплясывая и как бы дирижируя веселым, но очень нестройным хором. Мною записано две из поющих при этом песен,—одна—узбекская, другая—таджикская. Первая по своему содержанию не представляет какого-нибудь интереса и может быть столько же свадебной, сколько и всякой иной*). Поэтому я не привожу ее в этом кратком очерке и ограничусь лишь сообщением второй, являющейся, несомненно, песней специально свадебной и поэтому особенно интересной. Она была сообщена мне некоей Нарзи-Ой, таджикской, жительницей кишлака Шахристана, неграмотной**).

„ho-ho-ho-ho!
raftam ráhi durro: dur
owardam níhóli gul
in gúla gjo barem
dar hauli mirzo gul

*) Началом ее служат те же строки, которые, по сообщению Е. М. Пещеревой, поются в сел. Исфара, Кокандского уезда, на весеннем празднике тюльпанов (лола). См статью Е. М. Пещеревой „Праздник тюльпанов (лола) в сел. Исфара Кокандского уезда“ в сборнике عقداالجمان в честь В. В. Бартольда,—песня № 3 «накші-хурд», строки 5—10.

**) Эта песня, с незначительными различиями сообщена Е. М. Пещерой в той же статье. (См. песню № 3, строки 10—16).

mirzo gúli be:pokat
 tu angur-u man to:kat
 az baróí yak angur
 me:pe:cat ba har to:kat (или „shoxash“) *)

Пошел я в дорогу длинную—предлинную

Принес я росток цветка.

Куда понесу я этот цветок?

—В дом Мирзо Гуля.

Мирзо Гуль—нечистый.

Ты—виноград, а я лоза твоя

Из за одной виноградинки

Обвиваюсь я вокруг каждой лозы твоей (или каждой ветви»).

В доме жениха гостей ждет уже угощение; около ворот разведен костер. Жених трижды обводится вокруг него, после чего он проходит в комнату, предназначенную для молодых. Там он садится на низкий табурет—„sandali“, специально для этого покрытый одеялом, и его товарищи, подходя к нему, приветствуют его, обычно, в стихотворной форме. После этого приходят его родственницы, очевидно из числа пожилых, осыпают его изюмом и конфетами и целуют в лоб.

Затем мужчины уходят на мужскую половину, где им готовят угощение, а в это время к дому жениха вместе со своими спутницами под'езжает невеста.

Вернемся, однако, назад в дом невесты, к моменту ухода оттуда жениха с товарищами. Как только свадебная комната освободилась, туда приводят невесту, плачущую в голос. Она садится посреди пола, все время плача, а подруги ее начинают снимать со стен развешанные на них вышивки и связывают их и остальное приданое в большие узлы, готовясь к перенесению его в дом жениха. У порога невесту ждет на лошади старший брат ее или дядя**); ее сажают на лошадь позади него, накрывают с головой большим „seuzani“ и свадебный поезд готов тронуться в путь. Перед от'ездом невесту обводят трижды вокруг костра, а появившийся в дверях дома отец ее читает напутственную молитву, содержащую всевозможные пожеланья. После этого свадебный поезд отправляется в дом жениха. Насколько весел был путь жениха, настолько же печально и общее

*) Эта же песня, с очень небольшими изменениями поется во время свадьбы в квартале Тошканди, гор. Самарканда, населенном узбеками, выходцами из Ташкента (по их словам), говорящими, обычно, на узбекском языке. Записана она мной и в кишл. Уташихе, Ходжиахрарской волости, расположенном в 5 верстах от гор. Самарканда, но там она свадебной не считается и поется при всяких обстоятельствах в мужской компании

**) К сожалению, осталось невыясненным — материнский или отцовский.

настроение поезда невесты, и песни, которые при этом поются; они свидетельствуют о грусти и горе невесты при переходе ее к новой неведомой жизни. Я приведу здесь два образца подобных песен, сообщенных мне жительницами к. Шахристана. Обе они на узбекском языке, при чем во вторую вкраплено несколько строк таджикских. Чисто таджикских свадебных песен, помимо приведенной выше мужской, повидимому, не имеется. Первая—сообщена мне той же Нарзи-Ой, от которой я получила и предыдущую песню.

qavat—qavat, vay qalama
qallo:na dur—yo:r yo:re:—qallo:na dur
qizdi olip yango:lari
otlamang turung—yor yo:re—otlamang turung
qiyo:matlik way o:tasi
qozi bulsun—yo:r—yo:re—qozi bulsun
oq sut bergan o:nasi
ro:zi bulsun—yo:r—yo:re:—rozi bulsun
shildir - shildir shuwoqqa
sirGim tushti—yor yore:—sirGim tushti
sinamagan yerlarga
singnim tushti- yor yo:re—singnim tusht;
singning tushkan yerlarda oy bulaynuk—yor-yore:—oy bulaynuk
yaznam cekkan cilimga
may bulayin—yo:r yore—nay—bulayin
aro:bani gupcagi
uqqa oliq*)—yor yore:—uqqa yolluk
keta turgan way shul ukom
bekka yolluq—yor yore:—bekka yolluq
tokcadagi way qaycini
zang bosiptur—yoryore:—zang bosiptur
ketaturgan kelin oydi
Gam bosiptur—yor yore:—Gam bosiptur
bizdi havuli urtasida qand—u quruq
ketaturgan kelin oyim urta buyluk.

Рядами, рядами, увы, слоеная лепешка
Велика, друг, друг, велика!—друг, друг **)
Взявши девушку, дружки ее салят на лошадь, друг,
друг, салят на лошадь
Не садите ее, дружки, на лошадь, о друг, друг, дружки.
В день страшного суда отец ее
Пусть судьей ей будет, о, друг, друг, судьей ей будет
Мать, дававшая ей белое молоко,
Пусть довольна ей будет, о, друг, друг, довольна будет

*) Вм. loyiq لایق

**) Эта строка осталась неразобранной.

Шилдыр, Шилдыр*), в куст полыни
 Упала моя сережка, о, друг, друг, упала сережка
 В неизведанную страну**)
 Попала замуж сестренка моя, о, друг, друг, попала
 сестренка моя
 В той стране, куда попала сестренка твоя,
 Пусть буду луной я, о, друг, друг, пусть буду луной я.
 А у чилима, который курит зять мой, пусть буду я
 трубкой, о, друг, друг, пусть буду я трубкой.
 Арбяная втулка
 Подходит к оси своей, о, друг, друг, к оси своей
 А уходящая сестренка моя
 Достойна бека, о, друг, друг, достойна бека.
 На полке ножницы, увь, покрылись ржавчиной, о,
 друг, друг, покрылись ржавчиной.
 А едущая невеста
 Придавлена горем, о, друг, друг, придавлена горем.
 На середине нашего двора сухие сласти, о, друг,
 друг, сухие сласти.
 А приезжающая невеста
 Среднего роста, о, друг, друг, среднего роста.

2. Записано летом 1926 г. со слов Саури Нурматовой,
 девушки 17 л. неграмотной.

tokcadagi qaycini zang bosiptur, yo:r—yo:r
 kelaturgan kelin oydi Gam bosiptur, yor—yo:r
 tokcadagi piyozdi pe:sti qani yo:r—yo:r
 kelaturgan kelin oydi deu:sti qani, yor—yor
 bô:matonba yak band be:da
 kelin oyim nûri dida, yor—yor
 aro:bada ortqanimiz to:da midi, yor—yor
 kelin oydi yangolari po:da midi, yor—yor
 nayca nayca nuqra nayca,
 domot po:com dehkqon baca.
 kuyow po:com boy deydilar
 boyi qani, yor—yor
 samovorga qaynap turgan coyi qani, yor—yor
 cimili fdi bo:fidan ciqon qocti, yor—yor
 cockan mayiz topolmay kuyow qocti, yor—yor
 ye f lo:ma qiz teu:y saniki, yo:r—yo:r
 qasabasi *) tillodi **), uy saniki, yo:r—yo:r

*) Звукоподражательное слово — «шурша — шурша».

**) Или «к неизвестному мужу», если вм. «yerlarga» читать «erlarga».

***) qasaba — матерчатая, расшитая золотом женская повязка на голову, имеющая вид кокошника. Теперь вышла из употребления

****) «tillodi» — вм. tillo idi.

aro:baga ortqanimiz bari uruq:q. yor—yor
kelin oydi yango:lari bari pucuŋ yor yor
shul shuwcoqqa ot poylaynuk yor yor
kuŋow rocom cilimiga nay bilaynuk, yor yor
sinim tushkan joylariga oy bilaynuk, yor: yor:

На полке ножницы покрылись ржавчиной, друг, друг
Едущая невдста придавлена горем, друг, друг
У лука на полке—где кожаца? друг, друг
У едущей невесты—где возлюбленный?, друг, друг
У вас на крыше сноп клевера

Госпожа невеста—свет моих глаз, друг, друг
Севших на арбу—не целая ли куча нас, друг, друг
Невестиных дружек не со стадо ли, друг, друг

Трубка, трубка, серебряная трубка
Мой зять жених—крестьянский сын
Моего зятя-жениха богачем называют
Где же богатство его? друг, друг

На самоваре чай вскипяченный где же? друг, друг
Из сада свадебной занавески мыши убежали, друг, друг
Не найдя рассыпанного кишмиша жених ушел, друг,
друг

Не плачь девушка, это ведь твоя свадьба, друг, друг
Повязка на лбу ее (невесты) золотая, этот дом твой
ведь, друг, друг

На арбе поместившиеся, все мы веретена, друг, друг
А невестины подружки все курносые, друг, друг
В этой траве мы коней попасем, друг, друг
У чилима нашего зятя - жениха мы будем трубкой,
друг, друг

А в той стране, куда попала замуж сестренка наша
Будем мы луной, друг, друг.

Около дома жениха невесту снова обводят трижды
вокруг костра, и она под'езжает на лошади к дверям сва-
дебной комнаты.

Одна из пожилых родственниц жениха, известная своей
плодовитостью и многодетностью, выносит в чашке молоко.
Сначала делает глоток проводник невесты, а затем и она
сама, после чего она бросает в молоко свой перстень. Его
берет себе женщина, подносящая молоко. Невесту снимают
с лошади, но когда хотят ввести ее в комнату, путь пере-
граждает старуха. Она ложится в дверях на постеленное
там одеяло и притворяется мертвой. Между обеими сторо-

нами—стороной невесты, стоящей перед дверми, и стороной жениха, находящейся в комнате, происходит следующий диалог:

Сторона невесты, видя путь свой прегражденным старухой спрашивает:

„in murda ci talab dorat“?

«Что просит эта мертвая?».

Сторона жениха отвечает:

„in yak kafáni istambuli talab do:rad, yak bé:li xok partoyi, yak kaláni gur kovi, yak sar-u po: kurta, esor, capon, loki“—

«Она просит стамбульский саван, кетмень для копанья могилы, лопату для ее засыпанья и (одежду) с головы до ног: рубашку, шаровары, халат и платок».

Сторона невесты обещает дать все просимое, и лишь после этого старуха встает и пропускает невесту с ее спутницами в комнату. Последние, проходя мимо того места, где лежала старуха, шутливо замечают:

„Murdat beu:nok budas!“

«Ваша мертвая, оказывается, дурно пахнет».

— На что им возражают:

„beu:nok ne:—bé:yi mushk-u ambar metiyat!“—

«Она не пахнет дурно, — она издает запах мускуса и амбры».

После этого невеста проводится под свадебную занавеску, при чем по пути туда сторона невесты приветствует жениха, его друзей и родных:

„damotba salom,
juro:hó:i domot ba salom
bovói bovo kalónatba salom
uruq—u aymóqatba salom
pusht—pusht guzashtagó:natba salom“

«Жениху привет.

Друзьям жениха привет.

Дедам и прадедам твоим (жениха) привет.

Роду и племени твоему привет.

Поколениям (родственников), прошедшим до тебя привет».

Последними приветствуются доска и скалка для раскатывания теста, как символы новой жизни и новых обязанностей молодой.

„taxta—terak ba salom“

На каждое приветствие сторона жениха отвечает:

„ale:yk salom“

«И над тобой привет».

Наконец, невеста приведена за свадебную занавеску и скрыта за ней вместе со своими „yanga“, которых, повидимому, несколько,*) и которые играют роль друзей невесты.

*) Очевидно, две.

Кто-нибудь из родственников жениха—кто именно, осталось невыясненным,—просит невесту садиться. „yanga“ отвечают, что невеста не хочет садиться—„kelin nameshinat“. Родственницы жениха по очереди просят ее присесть, обещая при этом отдать ей сад, дом, мельницу, орешину, яблоню и т. д. Некоторые говорят, что они станут ее рабынями, будут подметать ее двор своими косами, отдадут ей в рабство своих сыновей и дочерей,—но невеста не садится. Тогда кто-нибудь, намекая на жениха и известные ритуальные омовения, говорит:

„shutúri nára do:dem
tashnó:bi tára do:dem“

«Мы дали ей самца-верблюда
И мокрое место для омовений».

После этого невеста садится. Тогда же, а, может быть, несколько раньше, тотчас по окончании приветствий, читается следующая молитва:*)

„O:min! shukuró:ni ne:mat, táni sahat
xo:tíri jam, kelinba pcy qadam
kelini peshrau darráu
ser farzan shavat, padar—areus ba
modar areus:ba xizmatgor shavat,
qayni buinashba“.

«Да будет так! Благодарение за счастье!

(Пусть аллах дарует) здоровое тело.

Душевное спокойствие, успех невесте,

Невесте преуспевающей и быстрой.

Пусть она станет многодетной,

Пусть она станет служанкой своему свекру, свекрови и
деверям».

Тут же развязываются узлы с приданым, его просматривают и просчитывают, а вышивки развешивают по стенам. Все это проделывают женщины, известные многодетностью и плодовитостью.

*) Она сообщена мне старухой - бабкой, но повидимому, не целиком и несколько разрозненно.

Вслед за тем от имени невесты присутствующим раздают подарки: особо почтенным гостям — рубашки, шаровары и платки из приданого невесты, остальным же — куски материи, примерно, в $\frac{1}{4}$ метра, которые тут же отрываются от целого куска, приготовленного специально для этой цели. Большинство женщин проводит здесь всю ночь. Кто спит, прикорнув на расстеленных вдоль стен одеялах, кто бодрствует и ведет тихие разговоры.

Рано утром большинство женщин уходит, но лишь для того, чтобы снова притти через час — два, принеся с собой то или иное кушанье: плов, рисовую молочную кашу, пельмени и т. п. К их приходу в доме жениха также готовится угощение. К нему присоединяют и все, принесенное гостями, и первая половина дня проходит в еде и питье бесконечных чаев.

Часа в 3—4 наступает время «смотрения лица невесты» — «*tes:binon*». Свадебная занавеска откидывается кверху, но невеста стоит в парандже, с лицом, закрытым легкой белой материей. По очереди подходят к ней родственницы жениха, целуют ее через материю и кладут к ее ногам свои подарки. После них подходят к невесте с поздравлениями и другие гости.

По окончании поздравлений стелят брачное ложе. На него ложатся сначала две старухи, одна — со стороны жениха, другая — со стороны невесты. Они симулируют совместно спанье молодых и ведут себя весьма недвусмысленно, под хохот и шуточные замечания зрительниц.

Наконец, вдоволь позабавившись, старухи притворяются спящими. Затем, как бы проснувшись, ведут следующий разговор: «*man xob didam, saramba yak ji fa, dastamba yak qush*» «Я видела сон: на голове у меня — венец, в руке — сокол», — говорит одна. Другая поясняет значение этого сна: «*sarangi ji gataton — davalataton, dastangi qushaton — farzandatton*»: «венец на вашей голове (обозначает) богатство, а сокол в руках — вашего ребенка».

После этого под свадебную занавеску приводят жениха, при чем он проходит через комнату, скромно закрыв лицо полой халата. Войдя к невесте, он наступает правой ногой на правую же ногу невесты. Этим он символизирует свою власть над ней. Если же невеста, успев во время убрать ногу, сама наступит на ногу жениха, власть в доме по словам населения, получает она, и муж должен повиноваться ей в течение всей их совместной жизни.

Встав рядом с невестой, жених осыпает брачное ложе принесенными им сладостями, которые наперегонки подбираются присутствующими. Затем все уходит из комнаты и там остаются жених, невеста, да ее дружки. Они, поставив

рядом жениха и невесту, открывают ее лицо и дают возможность молодым увидеть в зеркале друг друга. Затем они заставляют жениха разгладить обеими руками ряд на голове невесты, а также погладить ее косы, которые он должен забрать в руку и провести руку сверху вниз. По поверию, это предохраняет волосы от выпадения. После этого уходят и дружки, и молодые остаются наедине. Жених должен отнести невесту на брачное ложе на руках. Обычно—это лишь проформа и сближение между ними происходит лишь ночью. Женщины подсматривают в дверные щели, некоторые забираются даже в комнатные ниши и прячутся там. Не оставляют молодых в покое и в их первую ночь: товарищи жениха стараются найти в стене какое нибудь отверстие, подсмотреть через дымовую трубу, а иногда даже разбирают крышу или проламывают стены, как то сообщила мне Чинни Нурматова, как о факте, происшедшем на ее свадьбе.

Брачное ложе убирается на следующее утро одной из дружек («yanga») невесты, в пользу которой поступают несколько серебряных монет, оставленных женихом специально для этого под подушкой.

— После свадьбы молодая, „kelincak“ не имеет права посещать дом своих родителей до тех пор, пока те не пригласят молодых к себе дважды, каждый раз сопровождая это приглашение, так называемым «talbon»,—пышным угощением и дарением подарков молодым: дочери, обычно, дарят новую паранджу, зятю—хороший халат или суконный чекмень.

Заканчивая свою статью пользуюсь случаем принести искреннюю благодарность Николаю Гурьевичу Малицкому, который любезно взял на себя труд просмотреть эту работу и исправить некоторые ее погрешности.
